

В середине XIX века в России уже насчитывалось немало психиатрических больниц, но почти не было отечественных врачей этого профиля. Лечением безумных занимались в основном специалисты, окончившие европейские университеты. Разумеется, русские медики тоже работали в таких клиниках, но фундаментальных знаний в этой области у них, как правило, не было, прежде всего потому, что университеты империи обходились без соответствующих кафедр. Дисциплина пребывала в положении бедного родственника.

Тема безумия стала модной

Первая кафедра психиатрии появилась лишь в 1869 г., её главой стал И.М.Балинский, в 1846 г. окончивший Медико-хирургическую академию с золотой медалью. По окончании учёбы он был определён на службу в Ораниенбаумский военный госпиталь, где занялся изучением именно душевных болезней. В 1856 г. он стал адъюнкт-профессором академии. Балинский создал клиническое отделение душевных болезней, учтя все требования тогдашней науки. В 1857 г., впервые в России он начал преподавать психиатрию как самостоятельную дисциплину. В 1860 г., став к этому времени профессором, Балинский пробудил интерес и внимание врачей к судьбам и лечению душевнобольных. По его предложению Министерство внутренних дел с 1869 г. занималось устройством окружных лечебниц для сумасшедших в университетских городах.

Интерес к психиатрии в России постепенно рос. Исчезало отношение к безумным как к «грешникам, одержимым дьяволом», формировалось понимание того, что они – страдающие люди.

Русская литература, конечно, и прежде порой касалась темы сумасшествия (А.С.Пушкин, Н.В.Гоголь), но именно со второй половины столетия этот мотив стал регулярным в творчестве отечественных мастеров, чему способствовала и трагическая судьба некоторых русских литераторов и художников (К.Н.Батюшков, Н.В.Гоголь, П.А.Федотов).

Одним из первых проявлений такого интереса стала картина не слишком известного ныне художника П.С.Косолапа «Сумасшествие. (Безумный скрипач у тела умершей матери)» (1863). А затем пришла пора романов Ф.М.Достоевского.

Тема сумасшествия постепенно становилась не только важной, но и модной. О безумии говорили не только на консилиумах специалистов, но и в светских салонах. Слухи и достоверные сведения о чудесах, происходящих в парижской клинике Ж.М.Шарко, быстро распространялись по Европе, не минуя и Россию. Актуальность проблемы психических расстройств обозначалась всё более отчётливо: диагностика душевных болезней обнаруживала всевозрастающее число людей, подверженных психопатологии, по мере развития науки проникающей всё глубже, улавливающей всё более тонкие оттенки душевных излияний. Редкая поросль сменялась рошей, постепенно превращавшейся в лес.

Несмотря на эти обстоятельства, в Москве была единственная Преображенская больница на 325 коек, открытая ещё в

1808 г. В 1887 г. медицинские заведения Москвы были переданы муниципальному самоуправлению, что позволило главному врачу Преображенской больницы В.Р.Буцке и заведующему кафедрой невропатологии и психиатрии профессору А.Я.Кожевникову обратиться к городскому голове Москвы Н.А.Алексееву с мотивацией открытия нового стационара психиатрического профиля. Главный городской менеджер нашёл положение дел в психиатрической службе города

на сумму, примерно равную годовому доходу (7 млн руб.) В результате оптимизации менеджмента за 10 лет муниципальные доходы выросли с 4,7 млн до 10,8 млн руб., дефицит бюджета сократился с 1,3 млн руб. до нуля. К 1913 г. вклад муниципальных предприятий в бюджет города составил 55% доходов.

Прибыль позволила начать модернизацию коммунального хозяйства. Николай Александрович консолидировал инициативы меценатов, начав с себя и направив финансы на первоочередные

тернатом. Паллиатив филиалов практически почти не изменил ситуацию. Проблему следовало решать при помощи более масштабных мер.

На одном из заседаний Московской Думы Алексеев заявил: «...в Москве нет большей нужды, как устройство мест для умалишённых». Сбор средств был проведён по инициативе городского головы. Он оказался не только превосходным кризисным менеджером, но и тонким психологом, сумев использовать купеческое самолюбие. Удалой

построены психиатрические больницы в Рязани, Саратове, Тамбове, Полтаве, Харькове, Казани, Вологде, Екатеринославе, Курске, Орле, Туле, Воронеже, Костроме, Уфе, Симбирске, Перми, Смоленске, Калуге, Владимире, Нижнем Новгороде, Самаре, Одессе, Херсоне... И.М.Балинский и И.П.Мержеевский работали в С.-Петербурге; А.У.Фрезе и В.М.Бехтерев – в Казани; П.И.Ковалевский – в Харькове; И.А.Сикорский – в Киеве, В.Ф.Чиж – в Дерпте; А.Я.Кожевников, С.С.Корсаков,

Далёкое – близкое

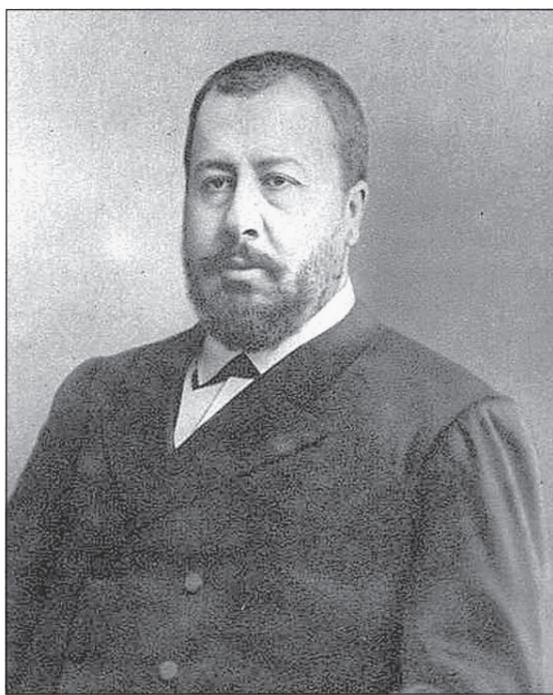
Он прожил всего 40 лет...

История российской психиатрии XIX века неразрывно связана с именем Николая Алексеева

неудовлетворительным: пациентов было вдвое больше нормы, причём ситуацию не изменило открытие психиатрической клиники Московского университета (всего 50 коек). Не устраняли проблему ни психиатрическое отделение в Старо-Екатерининской больнице (50 коек), ни приёмные покои полицейских участков, куда помещались сумасшедшие, обнаруживаемые на улицах города, ни частные клиники, где могли лечиться лишь богатые пациенты (да и размеры этих больниц были невелики: 10-15 коек). Отказ в лечении ежегодно получали более 300 человек, несмотря на то, что «...в больницу направляли в основном тех больных, которые совершили убийство или по крайней мере поджог и признаны по суду невменяемыми», – писал психиатр Н.Н.Баженов.

Кризисный менеджер и тонкий психолог

Николай Александрович Алексеев принадлежал к известному купеческому роду. Мать (урождённая Бостанжогло) происходила из рода греческих купцов. Со времени пожара 1812 г. династия жила у Рогожской заставы, в Алексеевских улицах. Уже к 30 годам Николай Александрович – глава правления торгового и промышленного товарищества «Владимир Алексеев». Он управлял крупными предприятиями, одновременно занимаясь городской политикой, будучи с 1881 г. гласным Московской городской думы. В ноябре 1885 г. Алексеев был избран городским головой и оставался им на протяжении 8 лет, отказавшись от жалованья (12 тыс. руб. в год). Он изменил всю систему хозяйствования, выведя её на путь муниципального развития, независимого от имперской власти. Для этого необходимы были собственные источники доходов, но налоговые поступления составляли не более трети бюджета города. Алексеев проявил выдающийся талант финансиста и менеджера в поиске таких источников. По его инициативе Москва создала ряд коммерческих муниципальных предприятий, строившихся на кредиты. В 1892 г. город выпустил облигационный займ

нужды города. Алексееву Москва обязана строительством многих училищ (30 заведений) и больницы. Важнейшей постройкой стали водопровод и канализация. (Ранее вода из Мытищ поступала самотёком.) При Алексееве город самостоятельно выстроил насосные станции, позволившие провести воду в каждый дом, были реконструированы магистральные водоводы. Строительство двух водонапорных башен у Крестовской заставы финансировал персонально градоначальник.

Одной из первых мер реформирования психиатрических стационаров города стала покупка женой градоначальника (за свой счёт) владения и дома, расположенных рядом с Преображенской больницей. Здание было приспособлено под специфику психиатрического стационара, после чего больница получила и здание, и участок – в дар. Отделение на 50 коек было названо Алексеевским.

Затем под психиатрическую больницу была оборудована дача Ноева (Воробьёвы горы). Участок и здание нашёл сам Алексеев. Земские власти посчитали, что дом не соответствует специфике пребывания и лечения там психически больных. Психиатр Баженов осмотрел сооружение, найдя его вполне подходящим, после чего вопрос (включая покупку инвентаря и подбор персонала) был решён в течение трёх дней; здесь было открыто отделение на 50 коек. Ноева дача довольно скоро превратилась в приют, фактически став психоневрологическим ин-

загул людей, порой склонных к соревновательному азарту, был направлен в нужное русло. Не исключая и того, что некоторых коллег Алексеев взял «на слабб». Кому как не ему – потомственному купцу – и подбало знать тайные струны души русского предпринимателя, на которых можно было сыграть нужную пьесу. «Он соединил в себе хитрость и утончённость грека с разнужданностью русской природы», – вспоминал правовед и публицист Б.Н.Чичерин.

Для строительства больницы за Серпуховской заставой был использован земельный участок купца Канатчикова («Канатчикова дача»), купленный Москвой ещё в 1860-е годы и обошедшийся городской казне в 24 тыс. руб.; а на деньги Ермакова был построен Ермаковский корпус. Среди жертвователей были известные в Москве фамилии: Бахрушины, Морозовы, Рукавишниковы, Солдатенковы, Третьяковы... Через полгода было собрано почти полмиллиона. Алексеев предложил начать строительство, но столкнулся с противостоянием думской оппозиции, посчитавшей строительство большой больницы чрезмерно дорогим и предлагавшей ограничиться постройкой нескольких зданий барачного типа. Заслуга Алексеева состояла ещё и в том, что в конце концов решение по строительству большой психиатрической больницы Московской думой приняла: он сумел убедить оппонентов.

В 1890 г. было опубликовано стихотворение А.Н.Апхтина «Сумасшедший», ставшее весьма популярным, несмотря на свои скромные художественные достоинства. В 1892 г. был напечатан рассказ А.П.Чехова «Палата № 6», а год спустя – его же повесть «Чёрный монах». Тема сумасшествия всё более широко входила в отечественную культуру. Эта тенденция отзовется в XX веке, когда безумные персонажи стали почти постоянными героями книг и картин.

Русская психиатрия, оснащённая не только разумным научным текстом, но и сочувственным социально-культурным контекстом, вступила на путь интенсивного и плодотворного развития. Были

В.П.Сербский – в Москве... К этому периоду относится и столь рано завершившаяся научная деятельность В.Х.Кандинского. Всё это – не просто фамилии, но – имена, за которыми стоят серьёзные открытия. В 1887 г. состоялся I съезд русских психиатров. Отечественная психиатрия становилась в ряд авторитетных национальных школ, поистине семимильными шагами догоняя коллег, стартовавших значительно раньше.

«Последняя жертва»

9 марта 1893 г. Н.А.Алексеев был застрелен в своём думском кабинете психически больным. В его завещании 300 тыс. руб. отводилось на содержание создаваемой им больницы. Две первые очереди клиники (на 508 коек) открылись уже после его гибели в 1894 и 1896 гг. (построены по проекту архитектора Л.О.Васильева при участии И.М.Рыбина). Вторую очередь (открыта в 1905 г.) строил А.Ф.Мейснер. Впоследствии больница неоднократно расширялась.

Н.А.Алексеев был похоронен в Новоспасском монастыре. Его вдова, Александра Владимировна, унаследовала его место в руководстве предприятиями, тоже регулярно выделяя средства на благотворительность, входя в попечительские советы московских больниц. Всего Алексеевы передали на благотворительность более 2 млн руб. В советские времена могила городского головы, как и всё монастырское кладбище, были уничтожены.

Московская психиатрическая клиническая больница была открыта в мае 1894 г. на Загородном шоссе. Директором был назначен В.Р.Буцке.

С 1922 до 1994 г. больница носила имя П.П.Кашенко – в честь главного врача, работавшего здесь в течение 4 лет. Московская психиатрическая больница № 1 стала известна также как «Кашенко», «Канатчикова дача». В 1994 г. ей возвращено имя Н.А.Алексеева. Тогда же на территории больницы была поставлена часовня в его память.

Даты жизни Н.А.Алексеева – 1852—1893. Чуть больше 40 лет...

Игорь ЯКУШЕВ,
доцент Института
ментальной медицины.
Северный государственный
медицинский университет.

Архангельск.